

УДК 378.1

СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ ФОРМАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СТИХОТВОРЕНИЙ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Жарких Александр Андреевич,

студент 5 курса специалитета, Факультет иностранных языков и регионоведения,
МГУ им. М. В. Ломоносова;
email: zharkikhaa@my.msu.ru

Аннотация

Статья посвящена главным целям поэтического перевода и особенностям перевода стихотворений С. А. Есенина на английский язык русскоязычным и зарубежными переводчиками. Поэтический перевод — один из сложнейших видов человеческой деятельности; ключевую роль в создании искусного поэтического произведения играет талант поэта, а при переводе стихотворений — талант поэта-переводчика. В работе были рассмотрены способы, которые использовали переводчики для передачи рифмы, ритма, образности оригинальных стихотворений С. А. Есенина, проведён анализ потерь и переводческих решений.

Ключевые слова: формально-эстетическая эквивалентность, поэтический перевод, Сергей Есенин, перевод рифмы, перевод ритма, передача образности.

WAYS OF ACHIEVING FORMAL-AESTHETIC EQUIVALENCE IN THE TRANSLATIONS OF SERGEY YESENIN'S POEMS INTO ENGLISH

Aleksandr A. Zharkikh,

Moscow State University, Faculty of Foreign Languages and Area Studies
E-mail: zharkikhaa@my.msu.ru

ABSTRACT

The article concerns the main objectives of poetic translation and the features of the translations of Sergey Yesenin's poems into English performed by Russian- and English-speaking translators. Poetic translation is one of the most difficult cognitive activities. Poetic talent is what makes a poem skillful, and a skillful translation requires a translator to be a talented poet, too. In this article, the author analyzes ways used for translating rhyme, rhythm and imagery of original S. Yesenin's poems, as well as translation losses and solutions.

Keywords: formal-aesthetic equivalence, poetic translation, Sergey Yesenin, rhyme translation, rhythm translation, imagery translation.

Поэтический перевод по праву считается одним из наиболее сложных видов переводческой деятельности. Если научный или технический текст допускает известную вариативность в передаче содержания, то стихотворение требует от переводчика одновременного решения целого комплекса задач: сохранения смысла, образов, ритма, рифмы и — что особенно важно — того эстетического воздействия, которое оригинал оказывает на читателя. Именно поэтому вопрос о формально-эстетической эквивалентности в поэтическом переводе требует тщательного изучения.

Как отмечал Е. Г. Эткинд [9], поэзия представляет собой высшую форму бытия национального языка, в ней наиболее полно выражается дух народа. Словесное искусство, в отличие от орнамента, пантомимы или немого кино, не может быть понято представителями другой культуры без пересоздания на другом языке. При этом если в прозе отдельные лексемы выступают первоэлементом искусства, то в поэзии ритмический ряд стиха задаёт дополнительные рамки: ритм ведёт к изменению качеств отдельно взятого слова, а звуки приобретают содержательное, эмоциональное и смысловое значение. Следовательно, переводчику необходимо учитывать не только денотативные значения слов, но и поэтическое звучание, общий смысл и тон стихотворения.

В лингвопоэтике принято разграничивать стихотворный и поэтический текст. Стихотворный текст — это любой текст, разделённый на стихотворные строки; в нём иное, чем в прозе, тема-рематическое членение и особая стиховая интонация. Поэтический текст, помимо деления на строки, содержит концептуальную и многослойную эстетическую информацию, которая может выражаться через рифму, метр, особое стихосложение и иные средства.

Согласно С. Ф. Гончаренко [4], главное условие превращения стихотворного текста в поэтический — талант поэта. Соответственно различаются и два способа перевода: собственно поэтический перевод, при котором фактуальная и эстетическая информация передаются поэтической речью, и стихотворный перевод, при котором фактуальная информация передаётся лишь стихотворной речью, а эстетическая информация почти полностью теряется.

Главным критерием поэтического текста признаётся поэтичность — комплексная текстовая категория, охватывающая глубинный и поверхностный уровни текста и представляющая собой единство духовности, образности и их эстетически ценной языковой объективации. Цель поэтического перевода, согласно Л. М. Алексеевой и Н. В. Шутёмовой [2], — репрезентация поэтичности оригинала в иноязычной культуре. При этом неизбежно преобразование поэтичности оригинала вследствие гетерогенности сознаний автора и переводчика, а также различий национальных языков и культур.

Особую роль в поэтическом переводе играет переводчик. М. А. Тарасова [6] отмечает, что если при переводе научных текстов желательное отсутствие видимости деятельности переводчика, то при переводе поэзии существование «переводчика-никто» не только недостижимо, но и вряд ли желательно. Переводчик поэзии выполняет сразу несколько функций: он вступает в диалог с автором и культурой оригинала, выполняет посредническую функцию между автором и читателем перевода и одновременно является автором «своего» поэтического текста.

Понятие эквивалентности, будучи одной из центральных категорий переводоведения, определяется как общность содержания, смысловая близость, равноценность текстов оригинала и перевода. Однако абсолютная эквивалентность недостижима вследствие прагматических, семантических и структурных различий языков. Л. С. Бархударов [3] определяет эквивалентный перевод как перевод, осуществляемый на уровне, необходимом и достаточном для передачи неизменного плана содержания при

соблюдении норм переводящего языка. При этом, как подчёркивает Н. В. Шутёмова [8], специфика поэтического перевода в специальных концепциях художественного перевода не эксплицируется: понятие эквивалентности не проецируется отдельно на поэтический перевод и не учитывает его особенностей.

Формально-эстетическая эквивалентность, по Д. О. Кенжебаеву [5], предполагает сохранение особенностей языкового материала, соблюдение особой формы индивидуальности автора, передачу культурных реалий и других лингвистических и экстралингвистических факторов исходного текста. Т. В. Устинова [7] указывает, что центральной проблемой поэтического перевода является передача отношений стихотворной формы и содержания во всём их многообразии; проблемы усугубляются высокой концентрацией образности, содержательностью формы и гиперсемантизацией поэтического слова. Образность при этом выступает неотъемлемой составляющей формально-эстетической эквивалентности двух текстов на разных языках.

Материалом для сопоставительного анализа в работе послужили семь стихотворений С. А. Есенина, относящихся к разным периодам творчества: «Моя жизнь» (1911), «Я покинул родимый дом...» (1918), «Письмо матери» (1924), «Клён ты мой опавший...» (1925), «До свиданья, друг мой, до свиданья...» (1925), «Какая ночь! Я не могу...» (1925) и «Ты меня не любишь, не жалеешь...» (1925). Переводы выполнены русскоязычным переводчиком А. С. Вагаповым [1], а также англоязычными переводчиками Стивеном Кейпусом, Робертом Чендлером и Энтони Рудольфом [11].

Творчество Есенина наполнено неповторимыми образами и средствами выразительности. Ю. А. Южакова [10] отмечает, что особенностью есенинской лирики является неожиданность образов, созданных с нарушением законов лексической сочетаемости; благодаря различным группам эпитетов у Есенина рождается «неповторимый идиостиль». Примерами могут служить «незавидная доля» в «Моей жизни», «голубая» Русь в «Я покинул родимый дом...», «лукавая» страсть поцелуя в «Какая ночь! Я не могу...», «старомодный ветхий» шушун в «Письме матери». Эта образность напрямую связана с принадлежностью Есенина к течению имажинистов, расцвет которого пришёлся на 1918–1925 годы. Однако, в отличие от футуристов, Есенин не ставил задачей запутать читателя: в его произведениях чувствуется гармония образности и содержания.

Структурно-ритмическая специфика стихотворений Есенина также заслуживает внимания. Основным композиционным приёмом его лирики становится повтор, придающий стихотворениям стройность; нередко встречается усиление, достигаемое анафорой. Рифма в большинстве стихотворений перекрёстная, в стихотворении «Клён ты мой опавший...» — смежная (парная); рифма остаётся неизменной на протяжении всего произведения во всех стихотворениях Есенина.

Анализ переводов показал, что способы передачи средств выразительности зависят от переводчика и не являются однозначными. В стихотворении «Моя жизнь» центральным является образ тоски, который реализует несколько лексико-семантических вариантов. А. Вагапов передаёт это слово различными способами: «grief and distress», «vexation», «torture». Лакунарность понятия «тоска» в других языках делает невозможным подбор полного аналога, поэтому переводчик использует контекстуальные соответствия. В «Письме матери» Стивен Кейпус передаёт строки «Слишком раннюю утрату и усталость / Испытать мне в жизни привелось» как «from my earliest days disappointment / is all I've been fated to know». Слова «утрата» и «усталость», имеющие разные лексико-семантические варианты, переданы одним английским словом «disappointment», что является лишь частично адекватным способом передачи обоих понятий. В стихотворении «До свиданья, друг мой, до свиданья...» словосочетание «предназначенное расставание» и строка «Обещает встречу впереди» в переводе Р. Чендлера и Э. Рудольфа меняются местами: «We'll meet again, the

stars foretell, / though now we have to part». Выражение «the stars foretell» оказывается уместным средством передачи оттенка значения «предназначенного расставания».

Таким образом, можно выделить несколько способов передачи средств выразительности: передача лакунарного слова несколькими словами, имеющими близкие семы; перестройка организации стихотворения и замена образов на более понятные реципиенту; частичное опущение культурных сем и замена нескольких понятий одним. Каждый из этих способов имеет свои основания, но при их использовании необходимо учитывать конкретные случаи для оценки качества перевода.

Отдельного внимания заслуживают переводческие решения в работе с рифмой и ритмом. В русской традиции принято выдерживать рифму различных видов — перекрёстную, парную, кольцевую; для русского читателя важно, чтобы способ рифмовки не изменялся на протяжении стихотворения. В англоязычной культуре столь чётких традиций соблюдения рифмовки нет. Результаты анализа показали, что русскоязычный переводчик А. Вагапов строго придерживается рифмовки оригинала. Например, строки «Какая ночь! Я не могу. / Не спится мне. Такая лунность...» переведены А. С. Вагаповым так: «Oh, what a night! I cannot sleep. / The sky is moonlit. Well, I never!». Такой способ рифмовки обоснован стремлением передать не только настроение и средства выразительности, но и саму рифму оригинала, показать англоязычному читателю русскую традицию. Вместе с тем в этом подходе есть определённая доля буквализма.

Подходы зарубежных переводчиков отличаются. При переводе стихотворения «До свиданья, друг мой, до свиданья...» Роберт Чендлер и Энтони Рудольф в пятом и седьмом стихах отходят от строгой рифмовки: слова «grief» и «life» не рифмуются при произношении. Возможно, переводчики стремились фонетическими средствами выразить неординарность есенинских строк. В «Письме матери» Стивен Кейпус меняет перекрёстную рифмовку оригинала: в переводе рифмуются только чётные строки. Каждая строфа оформлена одним предложением, новые строки начинаются со строчных букв, что часто встречается в английской поэзии; благодаря этому строфа читается плавно и слитно. Такой выбор обусловлен традицией переводящего языка.

Что касается ритма, то он является сложным явлением, в основе которого лежит целый комплекс признаков: пауза, расстановка ударных и безударных слогов, расположение окончаний. А. С. Вагапов, как и в случае с рифмой, строго соблюдает ритм оригинала. В стихотворении «Я покинул родимый дом...» паттерн безударных и ударных слогов в переводе практически повторяет ритм оригинала, хотя ритм английского произведения не столь чёткий, как в русском варианте, ввиду различий в интонации. В стихотворении «До свиданья, друг мой, до свиданья...» ритм в переводе английских переводчиков не соблюдается: он становится англоязычным, поскольку переводчики следуют традиции переводящего языка.

Таким образом, русскоязычный переводчик стихотворений Есенина практически полностью передаёт рифму и ритм русского стихотворения на языке перевода, тогда как англоязычные переводчики используют более приближённый к традиции английского языка вариант, не стремясь сохранить ритм и рифму оригинала. Ни одна из стратегий не является единственно верной: в одном случае англоязычный читатель получает представление о традиции русского языка, что важно для понимания русской культуры, в другом — легче воспринимает английский текст и коммуникативные намерения Есенина. Показательно, что в обоих случаях англоязычный читатель, вероятно, не задумается о рифме и ритме оригинала в силу незнания русского языка.

Проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов. Творчество Сергея Есенина наполнено неповторимыми образами, эпитетами и средствами выразительности; его стиль лаконичен и создаёт неповторимую канву образов, понятных русскому читателю.

Переводчики используют различные способы передачи этих средств на английский язык, и эти способы зависят от конкретного переводчика и не являются однозначными. Рифма и ритм в стихотворениях — один из основных способов воздействия на читателя той или иной культуры; при этом в русской традиции принято выдерживать рифму на протяжении всего стихотворения, тогда как в англоязычной культуре столь чётких традиций нет. Русскоязычный переводчик строго придерживается рифмовки и ритма оригинала, а зарубежные переводчики либо соблюдают рифму частично, либо отходят от неё, следуя традиции переводящего языка. Категория ритма при переводе стихотворений должна сохраняться, поскольку без ритма стихотворение теряет поэтическую составляющую и становится прозаическим произведением. Наконец, ни одна из стратегий перевода не является единственно верной: обе они дают англоязычному читателю возможность прикоснуться к творчеству Сергея Есенина, хотя и с разных сторон.

Актуальной задачей переводоведения остаётся выработка методологии оценки качества поэтического перевода и обобщение переводческих решений в работе с формой и содержанием поэтического текста, отвечающих требованиям формально-эстетической эквивалентности. Представленный анализ показывает, что достижение полной формально-эстетической эквивалентности практически невозможно вследствие изначальных различий в семантике, структуре и традициях написания поэтических произведений в разных языках, однако систематизация способов её достижения позволяет глубже понять природу поэтического перевода и оценить качество конкретных переводческих решений.

Список литературы:

1. А. Вагапов. Сборник стихотворений С. Есенина на английском. [Электронный ресурс]. — URL: <https://stihi.ru/2007/07/28-1526> (дата обращения 18.09.2026).
2. Алексеева, Л. М., Шутёмова Н. В. Существует ли поэтический перевод? / Л. М. Алексеева, Н. В. Шутёмова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2011. — №3. С. 87-93.
3. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. — Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. — 235 с.
4. Гончаренко, С. Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность [Текст] / С. Ф. Гончаренко // Тетради переводчика: Научно-теоретический сборник. — 1999. — №24.
5. Кенжебаев Д. О. Принципиальные особенности формально-эстетической эквивалентности / Д. О. Кенжебаев // Проблемы Науки. — 2016. — №29 (71).
6. Тарасова М. А. Перевод поэзии как дискурсивная практика: коммуникативный аспект [Текст] / М. А. Тарасова // Коммуникативные исследования. — 2016. — № 1 (7). С. 82-91.
7. Устинова, Т. В. Неконвенциональное смыслообразование в поэтической речи: лингвокогнитивное моделирование читательской рецепции и межъязыковой перевод: дис. докт. филол. наук [Текст] / Т. В. Устинова. — Екатеринбург, 2017. — 436 с.
8. Шутёмова Н. В. Специфика поэтического перевода // Типология перевода: монография / Л.М. Алексеева, Н.В. Шутёмова; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2012. — С. 103-171.
9. Эткинд, Е. Г. Поэзия и перевод [Текст] / Е. Г. Эткинд. — Ленинград: Советский писатель, 1963. — 431 с.

10. Южакова Ю. А. Особенности мировосприятия С. А. Есенина, отражённые в его поэтическом языке / Ю. А. Южакова // МИРС. — 2024. — №1.
11. Chandler, R. The Penguin Book of Russian Poetry / Robert Chandler, Boris Dralyuk, Irina Mashinski [Text]. — Penguin Classics, 2015. — 558 p.

References:

1. A. Vagapov. A Collection of Poems by S. Yesenin in English. [Electronic resource]. — URL: <https://stihi.ru/2007/07/28-1526> (date of access 09/18/2026).
2. Alekseeva, L. M., Shutyomova, N. V. Does Poetic Translation Exist? / L. M. Alekseeva, N. V. Shutyomova // Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology. — 2011. — No. 3. Pp. 87-93.
3. Barkhudarov, L. S. Language and Translation: Issues of General and Specific Theory of Translation / L. S. Barkhudarov. — Moscow: LKI Publishing House, 2008. — 235 p.
4. Goncharenko, S. F. Poetic Translation and Translation of Poetry: Constants and Variability [Text] / S. F. Goncharenko // Translator's Notebooks: Scientific and Theoretical Collection. - 1999. - No. 24.
5. Kenjebaev, D. O. Fundamental Features of Formal-Aesthetic Equivalence / D. O. Kenjebaev // Problemy Nauki. - 2016. - No. 29 (71).
6. Tarasova, M. A. Poetry Translation as a Discursive Practice: Communicative Aspect [Text] / M. A. Tarasova // Communicative Studies. - 2016. - No. 1 (7). P. 82-91.
7. Ustinova, T. V. Unconventional Meaning-Formation in Poetic Speech: Lingvocognitive Modeling of Reader Reception and Interlingual Translation: Dis. Dr. of Philological Sciences [Text] / T. V. Ustinova. — Ekaterinburg, 2017. — 436 p.
8. Shutyomova, N. V. Specifics of Poetic Translation // Typology of Translation: monograph / L. M. Alekseeva, N. V. Shutyomova; Perm. State National Research University. Perm, 2012. — pp. 103-171.
9. Etkind, E. G. Poetry and Translation [Text] / E. G. Etkind. — Leningrad: Sovetsky Pisatel, 1963. — 431 p.
10. Yuzhakova, Yu. A. Features of S. A. Yesenin's worldview, reflected in his poetic language / Yu. A. Yuzhakova // MIRS. - 2024. - No. 1.
11. Chandler, R. The Penguin Book of Russian Poetry / Robert Chandler, Boris Dralyuk, Irina Mashinski [Text]. - Penguin Classics, 2015. - 558 p.